

Тихонова Н. Е.

Динамика социокультурной модернизации в России¹

Тихонова Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, профессор-исследователь НИУ ВШЭ

E-mail: netichon@isras.ru

Тел.: +7 (495) 678 52 07

Аннотация. В статье показывается связь нормативно-ценностной системы россиян, в том числе — их отношения к нормам демократического устройства, а также к собственности, с существующим в России типом социума. На большом объеме эмпирических данных оценивается специфика и этап социокультурной модернизации, переживаемой сегодня российским обществом. Определяется «коридор возможностей» для действий российских элит в условиях доминирующих в России норм и ценностей, а также основные риски на пути формирования полноценной демократии в России. На российском примере демонстрируются некоторые особенности, характерные для процессов культурных изменений в развивающихся странах.

Полная версия статьи под названием «Динамика социокультурной модернизации России. Динамика и перспективы» опубликована в: Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 62-81.

Ключевые слова: модернизация, социокультурная модернизация, культурная динамика, ценности, нормы, позднеэтакратическая модель социума, демократия.

Понимание динамики социокультурных изменений в России может дать уникальный материал для понимания общих и специфических особенностей культурных изменений в мире в целом — ведь ряд особенностей истории России превратили ее в своего рода громадную социальную лабораторию. Всего за 150 лет Россия прошла путь от крестьянской страны с крепостным правом и доминированием неграмотного населения до индустриально развитого государства, где почти три четверти населения проживают в городах, а каждый четвертый имеет высшее образование.

Однако этот путь не был прямым. С начала XX века в России несколько раз происходила смена политических режимов и моделей экономического развития, резкие падения ВВП сменялись периодами его быстрого роста,

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Культурная динамика российского общества и перспективы модернизации России» № 11-03-00561а, выполняемому при финансовой поддержке РГНФ.

были осуществлены два демографических перехода. При этом до недавнего времени Россия была закрытым обществом, где, несмотря на все вызванные этими процессами изменения в нормативно-ценностных системах, в целом сохранялась гомогенность национальной культуры. Сейчас ситуация радикально изменилась – в условиях глобализации и снятия «железного занавеса» уже невозможно сохранять гомогенность культуры, а соответственно в фокус внимания попадает вопрос о соотношении в рамках национальной культуры носителей разных типов норм и ценностей.

Происходящие в нормативно-ценностных системах россиян изменения можно пытаться осмыслить через призму различных теоретических подходов (кризисного социума, культурной специфики цивилизаций, модернизации и т. д.). Однако многолетние попытки интерпретации данных почти двух десятков общероссийских социологических исследований¹, руководителем и участником которых довелось быть автору данной статьи за последние 15 лет, убеждают в том, что внутренне непротиворечиво объяснить их позволяет только концепция модернизации. Модернизацию я понимаю *в ее неомодернизационной трактовке – как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством экономической, политической, социальной, культурной, демографической и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов.*

На первый взгляд, применение теории модернизации к России, которая уже более полувека назад стала индустриальной страной, может показаться несколько странным. Однако в последние десятилетия в России растет занятость в характерном для доиндустриальных обществ первичном секторе экономики (сельское хозяйство и добывающие отрасли) и сокращается занятость во вторичном (индустриальном) секторе. При этом остальные сектора

---

¹ Речь идет об исследованиях Российского независимого института социальных и национальных проблем «Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов» (1995 г., n = 1462) и «Граждане новой России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?» (1998 г., n = 3000), Института комплексных социальных исследований РАН «Богатые и бедные в современной России» (2003 г., n = 2106) и «Собственность в жизни и восприятии россиян» (2005 г., n = 1751), а также Института социологии РАН «Социальное неравенство в социологическом измерении» (2006), «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (2008 г., n = 1751); «Российская повседневность в условиях кризиса: взгляд социологов» (2009 г., n = 1749), «Готово ли российское общество к модернизации» (2010 г., n = 1734), «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011, n = 1741), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2012 г., n = 1751) и др., проводившихся одной и той же исследовательской группой. Выборка всех этих исследований репрезентировала население страны в целом по региону проживания, а внутри каждого региона – по типу поселения, полу и возрасту (за исключением данных опросов 1998, 2006 и 2012 гг. – выборка этих исследований не включала россиян старше 65 и 55 лет соответственно).

развиваются по кризисной модели — с относительным ростом числа рабочих мест низко- и среднеквалифицированного труда (прежде всего занятых в торговле) и относительным сокращением высококвалифицированного труда¹. Экономический рост до сих пор не основывается на конкурентных началах. Право частной собственности имеет условный характер и зависит от взаимоотношений с властью. Доля сельского населения для индустриально развитой страны чрезмерна и уже более 20 лет соотношение городского и сельского населения не меняется, оставаясь равным 73:27. Увеличивается доля верующих людей, а религиозная догматика начинает изучаться в государственных школах и т. д. Все это и многое другое свидетельствует — хотя модернизационный рывок времен И. Сталина ценой огромных жертв позволил вывести страну в число индустриальных держав, но уже к 1970-м годам этот модернизационный рывок «захлебнулся», и даже реформы 1990-х гг. не позволили сломать затормозившие его барьеры.

Одним из ключевых барьеров выступает незавершенность процессов социокультурной модернизации. Судя по социологическим данным, и сегодня большинство совершеннолетних россиян прошло первичную социализацию в селах и поселках городского типа — а ведь процесс формирования системы новых ценностей и норм² занимает не одно поколение. Однако главной причиной «зависания» модернизационных процессов в России выступает сегодня особый тип социума, предполагающий сращенность власти и собственности при ведущей роли власти³ и находящий отражение в определенной системе характерных для российской культуры норм. Наиболее точными определениями такого типа социума являются «неоэтакратический»⁴ или, что представляется даже более точным, «позднеэтакратический».

Сразу подчеркну, что существующая в России нормативно-ценностная модель выступает разновидностью моделей, характерных для традиционных обществ доиндустриального типа, хотя и вступивших в эпоху своей трансформации. Для подобной системы в первую оче-

¹ Аникин В. А. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика. 2011. № 11-12.

² Речь идет о нормах как некоем должествовании в противовес ценностям как эмоционально окрашенным и имеющим этическое наполнение элементам культуры.

³ Плискевич Н. М. «Власть–собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // Мир России. 2006. Т. 15. № 3.

⁴ Шкаратан О. И. Становление постсоветского неоэтакратизма // «Общественные науки и современность». 2009. № 1. С. 5-22.

редь характерно то, что интересы общества в целом, народа, страны — для большинства населения пока еще превыше интересов и прав отдельных людей. При этом тот факт, что эти нормы могут далеко не всегда соблюдаться на практике, не имеет в данном случае значения, поскольку задачей является понимание того, как в российской культуре в целом меняется представление о *должном*, как в нем появляются новые черты и грани, а старые приобретают новый смысл.

При этом государство в рамках этой системы норм выступает как инструмент реализации интересов макрообщности, и именно ее интересами как целого оно и должно, с точки зрения населения, руководствоваться в своей деятельности. Для россиян не те или иные группы индивидов должны в борьбе друг с другом уметь отстаивать свои интересы, а государство, как выразитель общих интересов, должно на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на благо народа как единой общности. Причем убежденность в том, что государство должно отстаивать интересы всего народа в целом как единой общности, а не права и интересы конкретных входящих в нее людей, с годами даже нарастает. Из этой нормы вытекают и многие другие. Так, с точки зрения россиян, в силу права и долга государства представлять интересы этой общности, граждане должны проявлять к нему максимальную лояльность и признавать его право вмешиваться в их жизнь, даже если это означает нарушение их гражданских прав (см. рис. 1).

Как видно на рис. 1, есть три группы норм, продемонстрировавших за последние полтора десятилетия разнонаправленную динамику. **Первая группа объединяет нормы, динамика распространенности которых среди населения страны отражает рост значимости для него прав и свобод граждан, понимания плюрализма их интересов и, как отражение этого, рост понимания значимости оппозиции.** В нее входят такие нормы как:

- «Каждый человек должен иметь право отстаивать свое мнение даже в том случае, если большинство придерживается иного мнения», является консенсусной для всех групп россиян и очень широко распространенной;
- «Каждый гражданин в любой ситуации имеет право отстаивать свои интересы при помощи забастовок и демонстраций», в отношении к которой за последние полтора десятилетия произошел качественный сдвиг и ее стали разделять свыше половины россиян;
- «Настоящая демократия невозможна без политической оппозиции», изменения в отношении к которой за рассматриваемый период также носили качественный характер, и доля сторонников ее выросла с 49% в 1998 г. до 61% в 2012 г.;
- «Каждая политическая партия должна в принципе иметь шанс возглавить правительство». Именно в отношении распространенности этой нормы изменения были наиболее значительны. Учитывая, что эта норма отражает возмож-

ность принятия населением принципиально иной политической модели, чем существующая ныне в России, когда и президентская, и парламентская власть фактически «наследуется» при соблюдении формальной их выборности, рост с 46% до 66% числа ее сторонников означает, что население потенциально уже готово к принятию новой политической модели, предполагающей сменяемость властных элит.

Вторая группа включает нормы, отражающие невозможность согласовать все многообразие интересов людей таким образом, чтобы все остались довольны, и обеспокоенность, в этой связи, сохранением единства общества, которое не должно подрывать деятельность оппозиции и выразителем общих интересов которого должно выступать государство. Распространенность этих норм за рассматриваемый период также выросла, причем основной рост пришелся на последние годы. Эта группа объединяет такие нормы как:

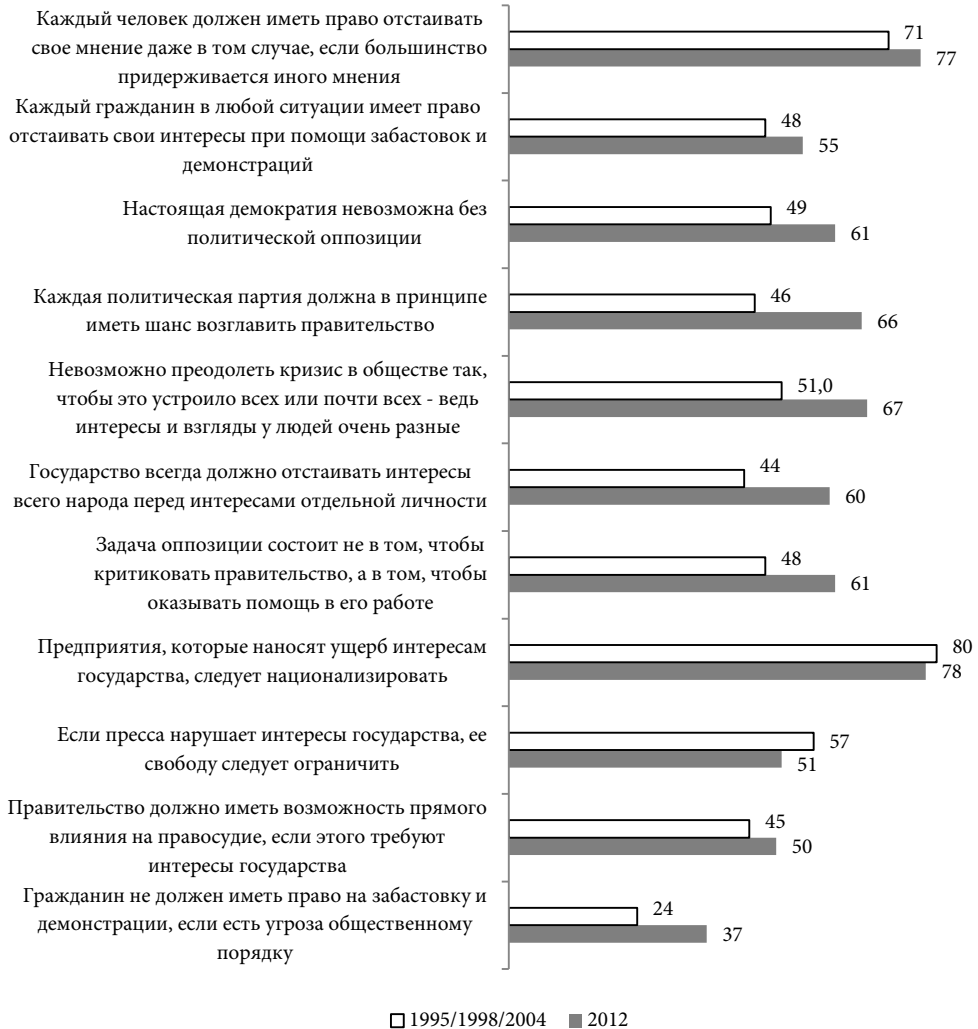
- «Невозможно преодолеть кризис в обществе так, чтобы это устроило всех или почти всех — ведь интересы и взгляды у людей очень разные»;
- «Государство всегда должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельной личности»;
- «Задача оппозиции состоит не в том, чтобы критиковать правительство, а в том, чтобы оказывать помощь в его работе».

Наконец, **третья группа** включает нормы, отражающие пределы того «вотума доверия», который, при условии легитимности в глазах россиян его деятельности, они готовы выдать государству на неправовую деятельность в различных областях во имя благополучия нации в целом. В эту группу, характеризующуюся разнонаправленной динамикой по отношению к разным нормам, входят такие нормы как:

- «Предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать»;
- «Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить»;
- «Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие, если этого требуют интересы государства»;
- «Гражданин не должен иметь право на забастовку и демонстрации, если есть угроза общественному порядку» — в отличие от остальных норм этой группы, сторонниками которых является большинство населения, ее разделяют лишь чуть более трети россиян.

Согласны с тем, что:

Данные по суждению «Невозможно преодолеть кризис в обществе так, чтобы это устроило всех или почти всех...» даны за 1995 г., по суждениям «Правительство должно иметь возможность прямого влияния на правосудие...», «Предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать» и «Если пресса нарушает интересы государства, ее свободу следует ограничить» – за 2004 г., а по остальным – за 1998 г. Здесь и далее в статье использованы данные по подмассивам этих опросов, включавших респондентов не старше 55 лет.

Рис. 1. Динамика отношения россиян к некоторым нормам, 1995–2012 гг., %
(на рисунке не указаны затруднившиеся с ответом)

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы.

1. Среди россиян все шире распространяются нормы, характерные для демократического устройства общества. При этом часть норм, отражающая рост значимости для россиян прав и свобод граждан, понимание плюрализма их интересов, признание необходимости наличия в обществе оппозиции не просто принимаются как нормы все большим числом россиян, но и устойчиво разделяются почти двумя третями населения страны в возрасте до 55 лет.

2. Наряду с глубинными, смыслозадающими нормами есть нормы инструментального характера, отражающие границы прав различных субъектов политической жизни (государства, оппозиции, граждан, прессы и т. д.) в восприятии населения. Динамика на длинных временных рядах сторонников норм, которые можно рассматривать как антидемократические, и их сравнительно небольшая распространенность также свидетельствуют о необратимости процесса принятия россиянами демократических норм в сфере взаимоотношений государства, общества и личности, хотя этот процесс имеет нелинейный характер.

3. Все вышесказанное позволяет утверждать, что в характерной сейчас для России системе норм, регулирующих взаимоотношения государства, общества и личности в политической сфере, не допускается жестко тоталитарная или авторитарная модель действий государства. Скорее это «смягченный» вариант такой модели, предполагающий право людей не просто свободно высказывать свое мнение, но даже настаивать на нем с помощью забастовок и демонстраций. Дело оппозиции — не конкурировать за власть, а контролировать правильность поведения «власти» в отношении соблюдения ею общественных интересов и помогать ей в этом главном для всех деле.

Так обстоит дело с *политической составляющей нормативно-ценностных систем россиян*. Однако для оценки перспектив модернизации в России интересна и *экономическая составляющая их взглядов*. В этом отношении *также можно увидеть признаки постепенного разложения норм, служащих основанием для легитимации этакратической модели развития, при росте числа сторонников более современной организации экономики России*. В то же время и здесь картина противоречива и неоднозначна — наблюдается одновременный рост числа сторонников свободной конкурентной

рыночной экономики и сторонников плановой экономики социалистического типа (см. рис. 2). Таким образом, и в этом отношении можно говорить о нелинейности процесса культурной динамики и поляризации населения страны по представлениям об оптимальном общественном устройстве.

Рис. 2. Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России, 1998-2012 гг., % (на рисунке не указаны затруднившиеся с ответом)

В целом опросы фиксируют устойчивое тяготение россиян к *смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности*. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства. Это существенно отличает их систему воззрений от взглядов населения развитых и большинства развивающихся стран.

Совсем иной, чем для представителей западной культуры, смысл, имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей россияне воспринимают весьма толерантно, и для большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако верно это лишь для законопослушного и экономически эффективного малого и среднего бизнеса. Что

же касается крупного бизнеса, то ему места в их нормативной модели практически нет. Кроме того, *в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным «хозяином» всего национального богатства*, частью которого оно временно дает «попользоваться» при определенных условиях их формальным собственникам. В этом контексте становится понятнее, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует национализировать.

В то же время следует отметить, что в этой области нормативных представлений россиян наблюдается *очень интенсивная динамика, отражающая принятие ими новых норм по отношению к экономической основе развития российского социума*. Так, всего за пять лет (2005–2010 гг.) число сторонников того, что государство вообще не имеет права ограничивать собственников в распоряжении их имуществом выросло почти втрое, а готовых принять такие ограничения по разным видам собственности сократилось практически в 1,5 раза.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что *процессы социокультурной модернизации в области норм и смыслов, определяющих отношение россиян к базовым принципам взаимодействия общества, личности и государства, еще не завершены*. Сохраняющаяся легитимность всевластия государства, его права на ограничение свободы человека, СМИ и бизнеса, статус государства как основного собственника и субъекта экономического развития, особенности восприятия роли оппозиции, прав человека, института частной собственности и т. д. — лишь некоторые проявления этого. При этом ни переход России к рыночной экономике сам по себе, ни социализация поколений молодежи, родившихся уже в годы «перестройки» и реформ не приводят к автоматическому «одномоментному» разрушению традиционной для России системы норм.

Сами россияне в большинстве своем (54%) очень хорошо понимают, что российская модель развития имеет значительные отличия от западной модели, и что любые реформы, прямо калькирующие западные образцы, в России пока невозможны. Устойчивость этого убеждения не зависит ни от изменения экономической ситуации в стране, ни от смены политических элит. Это, впрочем, не означает, что россияне не хотят реформ по западному образцу — они просто понимают их нереализуемость в современных российских условиях, хотя и убеждены в необходимости дальнейшего реформирования страны, продвижения ее по рыночному пути, считают важными многие демократические ценности.

Подведем итоги.

Для современной России характерно четкое закрепление в системе норм национальной культуры определенной модели развития социума, который можно охарактеризовать как позднеэтакратический. Наиболее яркими его особенностями выступают особая роль государства в жизни общества и в экономике, сращенность власти и собственности, признание за государством права на ущемление прав любых субъектов. «Ядерным» и наиболее устойчивым элементом системы норм, связанных с функционированием этого типа социума, выступает та их часть, которая относится к экономической сфере, к пониманию собственности, связанному с историческими особенностями развития России.

Сама по себе экономическая модернизация или признание рыночных начал в экономике вполне совместимы с этой системой норм и не ведет к социокультурной модернизации. Последняя осуществляется в обществах позднеэтакратического типа, прежде всего под влиянием процессов, связанных с социальной модернизацией¹, и требует для своего развития гораздо больше времени (жизнь 2–3 поколений), нежели экономическая модернизация.

Механизм социокультурной модернизации, судя по ситуации в России, в этом случае выглядит следующим образом. Разложение традиционалистских норм и ценностей начинается с осознания человеком самого себя как самостоятельно действующего и определяющего свою судьбу субъекта – ситуация, характерная именно для обществ модерна. Затем оно «докатывается» до осознания необходимости механизма защиты своих интересов и понимания отсутствия эффективных механизмов такой защиты и требующихся для этого институтов. Следующий шаг связан с признанием необходимости независимого правосудия, равенства всех перед законом и т. д. Отсюда уже недалеко и до признания необходимости свободы слова и других демократических свобод как базовых ценностей культуры.

Этап социокультурной модернизации в России соответствует той точке этих изменений, когда требование независимого правосудия и равенства всех перед законом уже актуализировано и артикулировано, но связь с этим требованием демократического устройства общества еще только начинает осознаваться. При этом даже сторонники демократии пока воспринимают как норму базовое основание этакратической модели развития – роль государства в экономике, сращенность власти и собственности, хотя постепенно и эти «бастионы» начинают рушиться.

Отсюда вытекает «коридор возможностей» для действий российских элит и перспективы формирования полноценной демократии в России, для формирования которой потребуются еще не менее 10–15 лет. Что же касается основных рисков, способных замедлить процессы завершения социокультур-

---

¹ Тихонова Н. Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. М. К. Горшков: М.: Институт социологии РАН. Нестор-История. 2011.

ной модернизации российского общества, то это, прежде всего: 1) консервация сырьевого вектора экономического развития, тормозящая развитие процессов урбанизации, 2) отсутствие эффективно действующей судебной и правовой системы, обрекающее россиян на поиск и легитимацию в культуре альтернативных форм защиты своих интересов, а также 3) всепроникающая коррупция. Действие этих рисков уже ощущается, проявляясь, прежде всего, в том, что отказ от традиционалистских норм часто не приводит к принятию ценностей модерна, заменяясь прагматизмом и утилитаризмом.

В этой связи на российском примере можно выделить следующую важную для понимания процессов культурных модернизационных изменений особенность: отсутствие объективных предпосылок для социокультурной модернизации, которые в XXI веке выглядят иначе, чем в два-три столетия назад. Экономический рост вызывает в данных обществах либо формирование каких-то новых типов культур модерна («альтернативного модерна»), либо состояние длительной социальной аномии вместо постепенной смены норм и ценностей традиционного общества нормами и ценностями обществ модерна. При этом в роли детерминантов культурных изменений выступает не просто экономический рост, а экономическое развитие, включая динамику структуры национальной экономики. И с этой точки зрения перспективы развития в России модернизационных процессов вообще и социокультурной модернизации в частности пока не вызывают оптимизма.

Литература

1. Аникин В. А. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Общество и экономика, 2011, № 11-12.
2. Плискевич Н. М. «Власть—собственность» в современной России: происхождение и перспективы мутации // «Мир России», 2006 Т. 15. № 3.
3. Тихонова Н. Е. Социальная модернизация и перспективы культурной динамики в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011 / Отв. ред. М. К. Горшков: М.: Институт социологии РАН, Нестор-История, 2011.
4. Шкаратан О. И. Становление постсоветского неозакратизма / «Общественные науки и современность», 2009. № 1.

